



Олег РИБ

Родился в Абакане в 1963 году. В юности страстно мечтал стать лётчиком, но при поступлении в лётное училище не прошёл медицинскую комиссию и учился в институте гражданской авиации в Риге. После учёбы жил в Латвии до 1989 года, затем вернулся на родину. С тех пор живёт в Абакане. Первый рассказ «Автобус» был опубликован в корпоративной малотиражке «Связист» в 2004 году. Печатался в газетах «Абакан», «Хакасия», «Пятница», в журнале «Абакан», в альманахе «Новый Енисейский литератор». В 2019 году

издан авторский сборник рассказов «Путник». Лауреат литературно-творческого конкурса имени М. Ф. Величко в номинации «Мне Русь не благовест колоколов». Призёр конкурса короткого рассказа за 2022 год.

«Я ЗДЕСЬ»

Игнат охотился всю свою жизнь. Промысловик был он знатный, передовик. А уж в добыче соболя не было равных ему во всём районе. И потому, когда началась война, как ни просился на фронт — не брали его, объясняя, что пушнина

теперь — это стратегический товар и на золото, вырученное от её продажи за границу, строят танки да самолёты.

Игнатов охотничий участок был в самом верховье реки. Уходил он туда по осени на лодке, поднимаясь шестом вверх по течению. Ну а возвращался уже весной, ближе к концу марта, волоча за собой по льду деревянные нарты с мешками, туго набитыми выделанными соболиными шкурками.

В сорок четвёртом, к началу охотничьего сезона, задумал Игнат новое зимовье себе поставить. Старая избушка совсем обветшала, зимой, в холода, сколько печь ни топи — не держит тепло. И место хорошее выбрал, недалеко от берега, на взгорке, чтобы не подтопила река весенним паводком. В две руки избу, даже малую охотничью, рубить — дело небыстрое, поэтому ушёл Игнат на охоту в тот год раньше обычного. И до первого снега уже перекрыл колотыми из кедровых брёвен досками крышу на новой избушке да перевёз на лодке нехитрый скарб охотничий из старого своего зимовья. Напилил, наколол дров берёзовых и выложил в длинную невысокую поленницу. Вот и всё готово к началу охоты, осталось только дождаться первого снега, чтобы можно было выслеживать зверя да ставить по тропам его капканы.

В тот вечер Игнат поужинал и, подбросив поленьев в печь, перекрестился на скромный образок в деревянном окладе, висевший в углу над столом, загасил лучину и лёг спать, надеясь, что в ночь наконец-то выпадет долгожданный снег.

— С вечера небо-то хорошо нахмурило, должен, должен снежок упасть, — бормотал он, засыпая.

Вроде бы и заснул уже, а может, и нет, задремал только. Вдруг, будто по чьему-то приказу, Игнат открыл глаза и увидел, как у самой двери, едва различимый в темноте, неподвижно чернеет силуэт в телогрейке и шапке-ушанке. Ещё в полудрёме он сонно пробормотал:

— Сгинь, уйди, — и вяло махнул рукой в сторону видения.

Но тут же, разом проснувшись, вскочил на нарах и, с ужасом отпрянув, вжался спиной в бревенчатый угол. Оцепенев от неведомого страха, Игнат крестил Божьим крестом темень перед собой, причитая дрожащим шёпотом:

— Спаси и сохрани, спаси и сохрани...

Глухо, словно из преисподней, видение отозвалось: «Я здесь». Обезумевший Игнат схватил набитую травой подушку, с силой прижал её к лицу и истошно закричал...

Утро пришло таким же хмурым, в свинцово-серых, угрюмо нависших над тайгой тучах, так и не разродившихся за ночь снегом. Игнат, с воспалёнными от бессонной безумной ночи глазами, в одной рубаше и с непокрытой головой, сидел неподвижно на пороге избы, уставившись на притихшую, потемневшую к скорому ледоставу реку и думал: «Что это было? Кто это? Впереди долгая зима и одиночество. Что со мной будет дальше?»

За всю следующую ночь Игнат не сомкнул глаз, и когда ближе к утру усталость всё-таки сломила его, всё повторилось снова: едва видимый силуэт в телогрейке с чёрной ямой вместо лица и тот же глухой голос: «Я здесь».

Ополоумевший и измождённый бесконечным ночным кошмаром, он простонал в злоеший мрак:

— Да что же тебе нужно-то от меня?

Затем с воплем безумца рванулся на улицу и, выбив с размаху деревянную дверь, упал навзничь на мёрзлую землю. Больно ударившись головой, он на мгновение затих, но тут же, очнувшись, поднялся на ноги. Качаясь, будто пьяный, обхватив голову руками и мыча от боли, Игнат повернулся к зияющему чёрной пустотой дверному проёму. Из рассечённой брови, закрывая глаз, текла по щеке и часто капала с подбородка тёплая кровь. Отняв окровавленную ладонь от лица, он, вконец обезумев, страшно заорал в злоеущую темноту избы:

— Да пропади ж ты!!!

Весь день, всю ночь и день следующий горел на пригорке у реки большой костёр. Не останавливаясь ни на минуту, день, ночь и снова день Игнат снимал доски с крыши, раскатывал по бревну совсем недавно сложенный сруб, перетаскивал и в стороне, ближе к берегу, снова поднимал венцы. И лишь в сумерках следующего вечера, вконец измотанный тяжёлой работой, он захлопнул за собой низкую, едва ли не

в половину роста, дверь заново построенной своей охотничьей избы. Едва дождавшись, пока разгорится печь, Игнат вполз на деревянные, ещё холодные нары и сразу заснул, укрывшись с головой тулупом.

Проснувшись как-то разом, словно очнувшись, он сел и сонно-непонимающе огляделся вокруг. Постепенно отходя ото сна, охотник вспоминал всё, что приключилось с ним в последние дни и ночи. Прогоревшая за долгую ночь железная печь-буржуйка уже успела остыть, но, прогретое её берёзовым жаром жильё ещё хранило в себе слабое тепло. Как-то спокойно и тихо было на сердце у Игната, долгое забытьё не оставило в памяти сновидений, но дало такой нужный теперь, после всего пережитого, отдых и телу, и нервам. Лишь нудно саднили избитые брёвнами ладони, стёртые в кровавые мозоли, да болела рассечённая накануне бровь.

Похрустывая занемевшими за ночь суставами, Игнат, кряхтя, опустился на земляной пол и, сунув ноги в бахилы, шагнул к окну. Глянув в подслеповатое окошко, он тут же повернулся к двери и, резко распахнув её, высунулся на улицу.

— Мать честная, ты только глянь! — радостно воскликнул Игнат, щурясь от яркого солнца. — Красота-то какая, Господи!

Вокруг его жилища сверкала в режущем глаз утреннем солнце тайга, укрытая ночным снегопадом и притихшая, словно сама зачарованная девственной чистотой первой зимней белизны.

Всего за одну ночь привалило снега почти в полколена и, прояснившись к утру, прижало его лёгким заморозком.

— Самое время, самое время, — бормотал, по-скорому собираясь на охоту, довольный Игнат.

Уверенно похрустывали по снегу подбитые камусом охотничьи лыжи; вдыхая полной грудью морозный утренний воздух, бодро шёл он в тайгу, на своё «военное» рабочее место.

Игнат резко остановился и замер. Поперёк его пути глубоко промяли свежий снег две борозды, отпечатанные

в каждом шаге широкой, почти круглой босой когтистой лапой. Дёрнув с плеча ружьё, охотник быстро перезарядил стволы пулями, озираясь по сторонам и взволнованно прищёптывая самому себе:

— Что ж ты бродишь-то, друг? Спать тебе пора давно, спать.

Звезда курки, он выдохнул облегчённо и уже спокойно огляделся. Недавний, по всему видно утренний, след уходил направо косогором в сторону от избы.

«На шум, видать, пришёл, пока я избушку переносил, наверняка приходил косолапый меня проведать ночью», — озабоченно размышлял охотник.

Сильнее и опаснее медведя в тайге зверя нет. Но много опаснее шатун, не набравший с осени нужного жира и бродящий по тайге в поисках любой добычи, чтобы успеть ещё залечь в спячку до большого снега. Всё это знал Игнат и поэтому шёл теперь осторожно, держа наизготовку оружие и внимательно вглядываясь в заснеженную округу, вслушиваясь в каждый шорох.

Звук был таким неожиданным и хлётким, словно выстрел, что Игнат невольно вздрогнул, остановившись. Старая раскоряченная берёза, примостившаяся на самом краю обрыва, не выдержав первого, совсем ещё слабенького мороза, треснула вдоль ствола почти по всей длине его.

— Тьфу, чтоб тебя, — чертыхнулся Игнат и с досадой плюнул под ноги, оглядывая чётко видимый на почерневшей от времени коре светлый раскол.

Когда взгляд его опустился до комля, он вдруг в корнях, у самой кромки снега, увидел пару свирепых чёрных глаз, неподвижно уставившихся на него. Как только взгляды их встретились, медведь рванул в сторону Игната, подняв над собой облако снежной пыли. Одним прыжком зверь выскочил на кромку обрыва и, встав на дыбы, с рёвом двинулся на стоявшего на лыжах человека. Опыт и хладнокровие потомственного охотника сработали безотказно, как и старая курковая двустволка. Через секунду зловеще грянул дулет. Пули точно легли в открытую поднятой лапой подмышку зверя, прибив мягкую, розовато-нежную в этом

месте шерсть. Медведь, стоя в рост, замер на мгновение, потом, охнув совсем как человек, повалился на снег, выбросив вперёд передние лапы.

Хорошо зная медвежьи повадки, Игнат тут же перезарядил ружьё, прицелился и только потом медленно отступил назад. Переведя чумной взгляд с затихшего медведя на старую берёзу, прошептал, заикаясь от волнения:

— Матерь Божья.

Охотничий сезон в ту зиму выдался на редкость удачным, и уже к середине марта, по первым оттепелям, Игнат двинулся в обратный путь, домой, волоча за собой по заснеженному казырскому льду деревянные нарты, горой гружённые мешками с тщательно выделанными и потому лёгкими, как пух, собольими шкурками.

Только к исходу седьмого дня путник увидел, наконец, крайние избы своей деревни с сизым дымком поверх заснеженных крыш.

Сгрузив до поры мешки с соболями в чулан, Игнат решил пройтись по деревне: с людьми поздороваться и позвать соседей на ужин по случаю своего возвращения с охоты. Хоть и не праздник, а всё ж сельчан уважить надо, а заодно и новости местные да фронтовые послушать.

За столом похвалился Игнат удачным охотничьим промыслом в сезон и между делом рассказал землякам историю про видения ночные, перенос избы в новое место и шатуна под берёзой.

Сидевший в валенках у самой печи дед Игната по отцу — Федос, до того по обыкновению молчаливый, вдруг громко, как это бывает с глуховатыми людьми, рявкнул:

— А ведь я знавал его.

— Ой, батюшки! — вскрикнула, подпрыгнув на лавке, сидевшая рядом баба. — Ты чё, старый, кричишь-то так? Испужал ведь!

Под дружелюбный смех застолья Игнат повернулся в сторону печи.

— Кого знавал, деда? Привидение, что ли? — спросил, по-доброму улыбнувшись.

— Его, его, а то как же, — отозвался Федос.

— И, поди, за руку здоровался? — хитро прищурив глаз, далее подшучивал Игнат.

— И ручкались¹, было дело. Правда, один раз всего, — продолжал серьёзно дед, не обращая внимания на смешки вокруг.

— Так ведь он же призрак! — не унимался шутками внук.

— Это тебе он, Игнаша, призраком явился, а я его вот как тебя сейчас видал и говорил с ним. А что? Расскажу, как всё было, коли интерес есть...

Поёрзав на скрипнувшей под ним старой табуретке, дед, собираясь с мыслями и пригадывая, с чего начать, разгладил сухой ладонью широкую староверческую бороду, затем громко заговорил.

— То в империалистическую ещё было, годе в пятнадцатом, кажись, — дед на секунду задумался. — Ну да, так вроде. Я те годе в самой вершине Казыра соболя промышлял. И вот как-то по осени поднимаюсь рекой к себе на участок, и только места мои начались — гляжу, а на взгорке от берега сруб недостроенный стоит, да мужик рядом топориком тюкает. Ну, причалил я, и он, гляжу, тоже идёт мне навстречу. Поздоровались, разговорились. На вид вроде человек спокойный, говорит складно, в глаза прямо смотрит. Молодой совсем, хоть и бороду отпустил. По всему видать — беглый или дезертир. Поспрошал я его, чего, да как, да откуда сам и зачем рубишься тут. Поживу, отвечает, зазимую, а там видно будет. Объяснил, что, мол, не охотник он, специально зверя бить не станет, а только на пропитание себе. Ладно, думаю, поглядим, коли человек не пакостный, то пуцай живёт, не жалко. Тайга-то, поди, всех прокормит — её не убудет. Более я его не видел. Хоронился он от людей, это уж точно, а вот зачем, почему, того не знаю, да и не моё это дело. Но, в тайге как ни таись, а к людям всё одно выходить придётся. Харчей, одёжи какой да провиант для орудия запasti. Я так полагаю, что по зиме вышел парень тот

¹ Ручкаться — здороваться за руку.

в Елань. До неё оттудова идти ближе всего было. Тогда-то его и выследили жандармы тамошние, а может, и лавочник донёс, тот ещё пёс был. А по следу лыжному чего не искать-то? Ну а когда брать его решили на зимовье, по всему видно — не дался он жандармам, отстреливаться стал. Я сам канонаду ту слышал. Убили они его, тут и гадать нечего, а чтобы назад на себе по тайге не волочь, бросили тело в избу да запалили. Мол, сам сгорел, живым не сдался. Я опосля года три не подходил к тому месту. Потом решился, а когда поднялся на взгорок, там всё пожарище крапивой в рост заросло. Я веточкой-то траву раздвинул, глядь, а из золы косточки человечьи белеют.

Федос замолк, сдвинув сросшиеся седые брови, и снова пригладил ладонью бороду.

— Ну, кости я тут, рядом, прикопал, нечего им на свет Божий глазеть, в земле их место. Крест какой-никакой сладил, холмик земли накидал, голышами с реки обложил да за упокой прочёл. Давно это было, и могилки той не найти уж теперь, с землёй сравнялась.

Дед, кряхтя, поднялся с табуретки и, шаркая валенками, подсел к столу, поближе к Игнату.

— Я так полагаю, внучок, что ты, сам того не ведая, избушку-то на могилке его и поставил. Дезертира, стало быть, беглого. Это он и явился к тебе по ночи, право дело, он и был. Я слыхивал, что мертвяки, которые в тайге лежат, особенно те, что невинно убиенные, по ночам на звёзды глядят и через них друг с дружкой разговаривают. Сам видал ясными лунами, чаще в мороз, как прямо из тайги лучики белёсые по небу шарят. Так это они и есть, которые душегубами в тайге зарытые. Вот... «Я здесь», — говоришь? Ну, это он не иначе как знак тебе подал, что его это место. Мол, занято здесь, а ты ему к звёздам, стало быть, выход перекрыл. М-да уж... — протянул задумчиво старик и ещё больше сторбился, уставившись молча в пол.

В полной тишине только едва слышно моталась по избе без времени оттаявшая сонная весенняя муха.

— То, что домовые да привидения разные по ночам шалют, бумагой шуршат или там черепками брякают, на пол их

роняют — это я слыхивал, — продолжил, будто очнувшись, Федос. — А вот чтобы человечьим языком говорили... врать не буду, такое слышу впервой. И вот чего я ещё думаю, Игнаша. Берёзка та, под которой шатун засаду на тебя устроил, неспроста так вовремя щёлкнула, ой неспроста. Это он, беглый, спасибо тебе передал за то, что понял его и место освободил. Как пить дать, его это работа.

Дед снова замолчал, потом, сонно чмокнув скрытыми густой бородой губами и по-стариковски тяжко вздохнув, покосился на мерцающую на столе неровным прыгающим пламенем керосинку.

— Ну ладноть, спаси Христос² хозяевам, а пора и до дому, — Федос поднялся и засеменял к вешалке у двери.

Вслед за ним потянулись от стола и остальные гости. Вышел во двор и хозяин — проводить людей до ворот.

Вернувшись на крыльцо, кутаясь в полушубок от мартовского лёгкого и незлобивого уже морозца, Игнат закурил, прислонившись к бревенчатой стене. Безмолвна и темна была притихшая военным лихолетьем его родная деревня, лишь оживлённо перебрёхивались по дворам, радуясь весне, собаки да тускло светил вдалеке единственный на всю деревню электрический фонарь над крышей колхозного правления.

Где-то близко скрипнула дверь, послышался недовольный голос соседа-инвалида, недавно комиссованного с фронта:

— Нюрка, ну ты куда делась-то?

На другом конце соседского подворья брякнуло ведро.

— Да тут я.

— Нюр! — уже завопил, не услышав жены, сосед.

— Да чтоб тебя! — разозлилась в ответ хозяйка. — Чего разошёлся-то? Ну куда ж я денусь? Здесь я, здесь...

Абакан, 2010

² Спаси Христос — так до сих пор говорят вместо «спасибо» в староверческих деревнях, вставая из-за стола после трапезы.